

воевод), тогда как здесь подразумевается название города „Рим“ или „Римов“ с предлогом „у“ вместо „въ“. Слово это следовало истолковать как „у Риме“ или „у Римове“. Итак, хотя мы и не можем положить на выносы самой Екатерининской копии, однако переданные в ней переносы слов дают нам возможность уследить 16 выносных согласных по концам строк, а в том, что это были действительные переносы подлинной рукописи, убеждают нас характерные разночтения первого издания.

Таким образом, если первое издание поэмы дает более исправный текст „Слова о полку Игореве“, то Екатерининская копия дает нам полное представление о размерах самого текста по рукописи Мусина-Пушкина: она представляет собой построчную копию с довольно точным делением на страницы. Сгоревшая рукопись „Слова о полку Игореве“ имела, по видимому, по 30 строк на странице, причем в первой части текста страницы содержали около 750 знаков, а во второй части, где строки были длиннее, около 950 знаков, т. е. сборник Мусина-Пушкина по размерам листа был близок к Уваровской рукописи, № 86, в лист, 1539 года (от 800 до 900 знаков на странице), а по объему сборник этот был не меньше рукописи Синодального собрания, № 280, которая заключает в себе Еллинский летописец и IV Новгородскую летопись — свыше 700 листов. В состав рукописи Мусина-Пушкина входили хронограф, летопись и ряд повестей. „Слово о полку Игореве“ занимало в нем 9 неполных листов, или 18 страниц, всего 496 строк. Возникает вопрос, почему Мусин-Пушкин счел необходимым дать для Екатерины II построчную копию „Слова о полку Игореве“? По видимому, он полагал, что со временем можно будет установить какой-нибудь стихотворный размер в данном тексте. Такая мысль могла появиться уже потому, что сам памятник называл себя „песнью“.
